

- [Василий Шукшин](#)
-

Василий Шукшин

Ночью в бойлерной

Сам Иван Максимович несколько нескромно называет себя – сантехник, а вообще он дежурит в бойлерной. Через двое суток на третьи выпадает дежурить в ночь. И как раз ночные-то смены он очень любит.

Домина, под которым бойлерная, огромный, сколько там людей разных!.. И вот – ночь: магазины закрыты, а кто-то, допустим, поругался с женой, кто-то затосковал так, что хоть криком кричи... Да мало ли! Куда человеку деваться с растревоженной душой? Ведь она же болит, душа-то. Зубы заболят ночью, и то мы сломя голову бежим в эти, в круглосуточные-то, где их рвут. А с душой куда? Где тебя послушают, посочувствуют? К дяде Ване, в бойлерную. Там у него уютно, тепло... Трубы, много труб, в трубах тихонько поет и потрескивает, как в печке. Огонек тусклый под потолком... Возле стены, в нише, удобный лежак, старенький тулуп раскинут, подушка.

В эту ночь Максимыч и не пробовал ложиться. Он сидел у самодельного крашеного столика и задумчиво постукивал пальцами в столешницу. Лицо у него тоже задумчивое... Лицо у него – доброе, смышленное, немного усталое, но бесконечно доброе, в глазах, в морщинках вокруг глаз – столько терпения, покоя, столько мудрости житейской, что – куда же и спускаться с больной-то душой? К нему и спускались.

Первым пришел крупный мужчина Пилипенко. Он был седовлас, сыт, колыхал запахом одеколona и дорогих сигарет. Но был он мрачен, встревожен... Ему было тяжело, грустно.

– Здорово, Максимыч, – сказал Пилипенко и сел на свободный хилый стул.

– Здорово, Николай Семеныч, – откликнулся Максимыч.

Некоторое время молчали.

– Душа? – спросил Максимыч.

Пилипенко очнулся от тяжких дум, вздохнул.

– Тут, брат... и душа, и тело, все вместе, – сказал он. – Есть что-нибудь?

– А как же, – Максимыч встал и пошел в угол куда-то. – Коньячку? – спросил оттуда. – Или водки?

– Давай коньячку, – сказал Пилипенко. И огляделся кругом. – Хорошо тут у тебя... В напарники возьмешь?

Максимыч тихо посмеялся.

– Чего смеешься?

– Да насчет напарника-то... Тут, Семеныч, оклад не тот.

– Нет больше окладов, – жестко сказал Пилипенко. – Конец окладам.

Максимыч от изумления даже остановился с коньяком в руках.

– Неужели разжаловали?

– Поперли, а не разжаловали.

– Как же это?

– Наливай, – махнул Пилипенко; ему было худо, так худо, что и говорить не хотелось.

Максимыч стал молча разливать коньяк по рюмкам; он не лез с расспросами, когда человеку худо. Захочет – сам скажет.

– Уволили, – сказал Пилипенко. – Дадут, конечно, какую-нибудь должностишку, но... Нет, ей-богу, мне у тебя нравится. Сколько ты получаешь? Хотя... чушь все это. Давай.

Они выпили по целой рюмке и заели лимончиком, который тоже случился у «сантехника»

Максимыча.

– Одного не понимаю! – горестно воскликнул Пилипенко. – Не справляюсь – так и скажи! Скажи! Зачем же... предлог какой-то искать: скажи прямо, я пойму. Нет!.. – Пилипенко крепко стукнул большим кулаком себя по колену. – Надо обязательно предлог найти, – он встал было, но тут же сел. Велел: – Налей еще по одной, – когда он сел с маху, хиленький стул опасно треснул под ним; нет, этому человеку можно, конечно, прямо в глаза сказать: «Ты не справился» – в обморок не упадет. Странно, что такой огромный мужик – «не справился».

– Какой же они предлог нашли? – спросил Максимыч.

– Самый что ни на есть дурацкий: злоупотребляете служебной машиной.

– Жена куда-нибудь ездила? По базарам небось?

– Да нет, сам: вызвал в воскресенье и просто так проехал километров полтора по северной дороге – вздохнуть пару раз свежим воздухом. Вздохнул!..

– А шофер наябедничал, – догадался умный Максимыч.

– Ну да... расписал. Писака. А если мне сосредоточиться надо? Если мне в движении лучше думается?..

– Да сел бы вон на любую электричку, – простодушно сказал Максимыч, – и сосредоточивайся сколько влезет. Вы вот, начальство... тоже какие-то дурные бываете: нет чтобы скромностью своей в нос людям тыкать: вот вам, глядите: большой человек, а со всеми маленькими здороваюсь. А где так и остановись, спроси: «Как дела?» Тебе эти его дела... сто лет снились, а ты все равно спроси, – Максимычу хотелось как-нибудь помочь большому Пилипенко, но он и досадовал на него, что тот не смог удержаться на добром месте – слетел. – Мало того, ты еще головой вот так вот покивай: так, так, мол. Но вы ведь... До вас ведь не допрыгнешь! – вовсе с досадой закончил Максимыч. И налил еще по полной рюмке. – Давай. Не горюй особо-то...

Выпили.

– Да некогда же! – тоже с досадой сказал Пилипенко. – Головой-то кивать – некогда.

– Зато теперь будет время: попрут вот на пенсию...

– Ну, это еще бабка надвое сказала! – Пилипенко твердо посмотрел прямо перед собой. – Это еще... уравнение с двумя неизвестными.

– Все равно не умеете! – решительно сказал Максимыч. Коньячок зашумел в голове, и ему тоже захотелось быть твердым и крепким. – Не умеете начальствовать! Вот сделай меня самой маленькой какой-нибудь шишкой – и ты бы поглядел, какой бы я стал вежливый... «Ну, как, товарищи? – спросил он кого-то иным голосом, вежливым. – Как настроение? Смотрите мне – не вешать нос!» Я бы такие шуточки отпускал!.. Чего же не пошутить с людьми, если тебе лучше ихнева живется. А зазевался какой-нибудь там Пилипенко Николай Семеныч – плохо работает, сукин сын, курит больше, я его вот так вот пальцем – к себе: «Пилипе-е-нко, на минуточку. Пилипенко, как ты думаешь: подойдем мы с такими работниками к коммунизму или нет? М-м? Ты, наверное, думаешь, что – подойдем. А вот я, Пилипенко, думаю, что мы с такими работниками застрянем где-нибудь по дороге. Ну-ка, давай, голубчик, давай, давай!.. Бросай-ка курить – да за дело». Вот как надо. Спокойно, с улыбочкой... Вишь, я и голоса не повысил, и работу направи. А захотел я подышать свежим воздухом, я набрал в чемодан коньячку, икорки, балычков, сел на электричку, отъехал те же полтора верст, слез, углубился подальше в лесок – и дыши на здоровье.

– Скучно это, Максимыч. Вообще, не то ты говоришь.

– С коньячком не будет скучно. Зато ни одна собака пальцем не покажет.

– Не то, Максимыч, не то. Еще-то есть там? Не могу никак душу унять – болит!

– Заболит... – Максимыч налил еще по рюмке. – Как же ей не болеть.

– Не то, Максимыч, дорогой, не то. Ты рассуждаешь логично, но... в масштабах прораба, не больше.

– А ты в каких масштабах? Держи.

– Я? Я малость пошире.

– Пошире... А сидим вот тут вместе – в одинаковых масштабах. Поехали.

Когда выпили, Пилипенко вдруг встал и широко заходил по бойлерной.

– Ну не-ет, – сказал он ожесточенно, громко. – Так легко вам Николая Пилипенко не свалить. Это вы зря... Пилипенко еще постоит!

Максимыч в это время закурил дорогую сигарету из пачки Пилипенки, откинулся на стуле, заложил ногу на ногу и стал следить за взволнованным гостем. Ему хотелось как-нибудь успокоить его, но, вообще-то, ему стало очень хорошо.

– Украинцы – народ крепкий, – сказал он, желая сделать приятное Пилипенке. – Но ездить за сто пятьдесят километров воздухом дышать – это глупость несусветная. Ты больше бензину наглотался за триста-то верст, чем подышал там...

– Ничего-о! – все ходил и все больше возбуждался Пилипенко. – Вы еще вспомните Пилипенку, не раз вспомните. Вы еще придете к Пилипенко!.. Но Пилипенко больше к вам не пойдет.

– Нет, если позовут – чего не пойти. Только не надо больше за сто пятьдесят километров дышать ездить, а так... чего? Ты мужик с головой.

– Не пойду! – уперся Пилипенко. – Все. Хватит. У меня тоже всякого этого достаточно – и самолюбия, и...

– Да нет, Семеныч, зря ты...

– Не пой-ду! Вы плохо знаете Пилипенку. Вы думаете, это все – так, шуточки...

– Какие шуточки! При чем тут шуточки – надо идти.

– Не пойду!

– Что значит «не пойду»? – рассердился вдруг Максимыч. – Что тебя, в детсадик, что ли, уговаривают идти? Не пойдет он... Заставим!

Пилипенко остановился перед «сантехником» Максимычем, который сидел и спокойно покуривал «Кент».

– Гляди-ка, – засмеялся Пилипенко, – мы прямо отрепетировали с тобой сцену!.. Жалко, что ты не министр.

– Жалко, – согласился Максимыч. – Ты бы у меня первым делом заплатил за бензин, который спалил в воскресенье, во-вторых, я бы тебе такого нагоняя дал, что ты бы у меня за троих работал. Увольнять я бы тебя не стал. Тебя правда уволили-то?

Пилипенко не успел ответить, как в бойлерную влетел некто в шляпе, в легоньком пальтишке, с чемоданом. Бледный.

– Максимыч! Ты сегодня? Слава богу, – говорил этот бледный с веселой злой дрожью в голосе. Увидев Пилипенко, он и ему тоже кивнул. – Здравствуйте, Максимыч!..

– Давай, давай, – сказал Максимыч. И налил бледному человеку в большой фужер. И налил также в две рюмки – себе и Пилипенке.

– Подождите, – сказал бледный, – у меня, кажется, шоколад есть, – он нырнул в чемодан и извлек плитку шоколада. – Есть! Слава богу.

Пилипенко с некоторой иронией наблюдал за суетливым человеком.

– Катастрофа катастрофой, а шоколад не забыл? – сказал он.

Бледный посмотрел на него... Ничего не сказал. Подошел к столу, положил шоколад и взял свой фужер.

– Давайте, – сказал Максимыч.

Выпили... Помолчали. К шоколаду никто не притронулся.

– Ты что, обиделся, что ли? – спросил Пилипенко.

– Максимыч, – обратился бледный к «сантехнику», – пускай это постоит у тебя, – он имел в виду чемодан. – А я пока пройду по набережной... Потом приду.

– Валяй, пройди, – сказал Максимыч.

Бледный ушел, ни разу больше не поглядев на Пилипенку.

– Что он, обиделся, что ли? – опять спросил Пилипенко.

– Обиделся. Нехорошо ты с насмешкой-то... Он вообще обиженный человек.

– А что такое?

– Так...

– Что «так»?

– Ну так... Хороших людей часто обижают.

– Что за ерунда! Кто их обижает?

– Люди. Ты вот – взял обидел.

– Да ну уж!.. Пошутить нельзя, что ли? А какие люди-то?

– Есть.

– Мне чего-то его жалко стало. Я, может, зря с этим шоколадом, конечно... Но я же не хотел обидеть: тоже, смотрю, переживает человек... Чего он такой? Какие люди-то?

– Всякие... Бессовестные, в основном. Приходят и обижают. Не знаешь, как можно мужика обидеть?

– Рога, что ли, баба ставит?

– Рога... или как там, а только флиртует, зараза, с кем попало.

– Ах, это его жена! – такая... патлатая. Да?

– Да.

– Так что же он не уйдет от нее?

– Да вот, вишь, не может уйти. Не все же такие... Пилипенки. Ты не пропадешь, Семеныч, не горюй.

– Кто тебе сказал, что я пропаду?

– Не пропадешь, нет. А этот – все: окочурился.

– А чего не уходит-то?

– Не может. Уходит – раз в неделю вот так вот: счас улочки две даст, придет и здесь заночует. А утром – опять к ней. Любит.

– Тьфу! – зло сказано Пилипенко. – Кого там любить-то? Патлы крашенные?

– Это я не знаю. Мне его жалко. Так жалко бывает... – Максимыч затушил «Кент» в блюдечке, помолчал, покачал головой грустно. – А что сделаешь?

– Да послать ее надо подальше!.. – стоял на своем Пилипенко.

– Да иди ты! – рассердился Максимыч. – Тебе бы все – посылать!.. Тебя вот послали – тебе как? Послать легче всего. Да и то вон... не может. Ну – послал он, ну и что? Легко ему станет?

– Ну, это уж тоже не жизнь.

– Жизнь. Это и есть жизнь. Думаешь... – вдруг Максимыч прислушался... И встал. И сказал: – Вот еще один такой же шлепает.

– Кто?

– погоди, – Максимыч еще для верности послушал. – Да. С тросточкой.

– Кто такой?

– Пан профессор, это я его так прозвал. Тоже... с душой идет. Счас, если выпьет, с одной рюмки окосеет.

– Правда, что ли, профессор? – не поверил Пилипенко.

– Натуральный профессор, из седьмого подъезда. Мы с ним частенько беседуем. Он... этот, как там у них, ну, по русскому языку профессор...

– Филолог?

– Труды пишет. А сам, как ребенок... Ты только не надо, Семеныч... не ломи сдуру: тут уж вовсе... горе одно. А человек золотой.

Вошел «пан профессор» с тросточкой. Он – седенький, старенький, не столько даже седенький, сколько старенький.

– Не могу больше, Максимыч!.. – сразу заговорил профессор жалобно. Увидев Пилипенку, ничуть не смутился, поздоровался и продолжал: – Не могу больше, дорогой мой. Пришел к тебе опять – больше некуда, – он сел на лежак, склонил голову. – Вот штука – некуда.

Максимыч пошел в угол, достал еще бутылку коньяка, раскупорил на ходу, налил в три рюмки. Одну поднес профессору.

– На-ка, все маленько отмякнет.

Профессор машинально принял рюмку, посмотрел на нее.

– Выпей, выпей, – убежденно сказал Максимыч. – Легче станет. Вот шоколадом закусишь... Допекла?

– Допекла, – сказал профессор, принимая из рук Максимыча кусочек шоколада. – Да ведь сколько энергии! Сколько энергии!..

– Ну, давайте.

Профессор поперхнулся, но выпил всю рюмку и заел шоколадом. И вытер платочком глаза и рот.

– Днем ей позвонили из универмага: есть норковая шуба – три с половиной тысячи, – стал рассказывать профессор обоим, Максимычу и Пилипенке, – она звонит мне в университет...

– Ешь шоколад-то... и рассказывай.

– Спасибо.

– Ну, звонит?

– Звонит в университет... У-у меня что-то в жар кинуло. Или здесь вообще жарко?

Максимыч без ехидства подмигнул Пилипенке и показал глазами на профессора: уже запянул.

– Здесь жарковато, конечно. Ты не волнуйся, Аркадий Михалыч, спокойней. Ну, звонит эта телка в универмаг?..

– В университет. «Достань полторы тысячи». Две тысячи у нее есть...

– Так, это уже легче, – с легким накалом сказал Максимыч. – Хм!

– Но где я достану полторы тысячи? – удивленно и беспомощно спросил профессор. – «У кого-нибудь из профессоров». У кого?

– Елкина мать-то! – взорвался терпеливый Максимыч. – «Достань полторы тыщи!» Это я могу сказать: «Достань мне... не знаю... жеребца племенного!»

– Зачем? – не понял профессор.

Пилипенко засмеялся.

– Да я так, к слову, – неохотно пояснил Максимыч. – Ну, ну?

– Ни у кого же из профессоров нет при себе таких денег, не может быть... И потом: идет ученый совет – что мне, со шляпой по кругу?..

Максимыч недобро посмеялся.

– Кричит в телефон: «Вообще она стоит четыре с половиной тысячи, это мне по знакомству, потому что шубу привезли из Дома моделей. Достань полторы тысячи!» Ну что делать? Что делать? Боялся домой ехать... Конечно – истерика. О господи! – профессор обреченно уронил голову на грудь. – Что делать?..

– Ты, Михалыч, ты прости меня, но это тебе наказание, – сказал Максимыч. – На кой тебе, пожилому человеку, надо было жениться на ней? На тридцать лет моложе!.. Ну, умная ты голова, – это нормально?

– Не знаю... Нет, ненормально. Наказание, да, наказание. Я боялся одиночества...

– Мало тебе старух? – все не унимался в своем разговоре Максимыч. Но тут уж вмешался Пилипенко:

– Ну, это ты тоже – со старухами-то... Для чего она ему?

– Обед сготовит, подметет...

– «Подметет». Ерунду говоришь какую-то.

– А эта для чего ему? – не сдавался Максимыч.

– Но что теперь делать? Что делать? – в отчаянии повторял профессор. Вытер платком слезы. – Вся жизнь... труд всей жизни – самому смешны и нелепы: куда важней – норковая шубка. По крохам, по зернышкам собирал знания, радовался, что открываю людям чистые целебные родники родной речи... И все, все поглотила норковая шубка. Любую рукопись отдам за норковую шубку! Но ведь никто же так скоро не заплатит. А завтра ее купит какой-нибудь спекулянт. Слушайте, вы, – обратился профессор к Пилипенке, – вы какой-то, кажется, начальник, за вами приезжает черная машина...

– Приезжала, – поправил Максимыч.

– Погоди, – строго остановил его Пилипенко. – Ну, так? Что вы хотели сказать?

– Я спрашиваю вас: почему у нас существует спекуляция?

– А почему у нас, – сразу без подготовки заговорил Пилипенко, – существуют университеты? Почему у нас существуют метро, театры, детсадики, бесплатное обучение, бесплатное медицинское обслуживание?..

– Он про спекулянтов спрашивает! – удивился Максимыч. – Ты что?

– А я спрашиваю про университеты. Почему – одно мы видим, так сказать, крупным планом, а все другое... всего другого – как бы даже и нету.

– Да кто же говорит, что нету! Есть... Все есть. Но мне нужна норковая шубка. Дайте мне в долг полторы тысячи, я через месяц верну – у меня книга выходит.

– Если бы у меня даже были такие деньги, я бы их вам не дал, – жестоко сказал Пилипенко.

– Почему? – удивился профессор.

– Ваша жена прекрасно одета, я видел. Какого ей черта еще нужно?

– Она хочет норковую шубку...

– А больше она ничего не хочет? – взорвался Максимыч. – Дрын хороший она не хочет? По этой... по...

– Погоди, – остановил Пилипенко «сантехника». Пилипенко успокоился и даже отрезвел. – Профессор, что вы сказали: «Любую рукопись отдам за норковую шубу»?

– Любую! – вскричал пьяненький профессор в величайшем горе. – Самую древнюю рукопись!.. «Слово о полку Игореве», если бы имел, отдал бы, только бы не эта истерика, не этот визг. Все бы отдал! Только – наличными: завтра, до одиннадцати часов. Пол библиотеки отдам – у меня уникальная библиотека. Хотите?

– Профессор, – с укоризной сказал Пилипенко.

– Душу запродам черту!.. – у профессора у самого, кажется, начиналась истерика. – Только бы не этот визг. О, господи!..

– Стоп! – сказал Максимыч. – Вы тут, конечно, все умные, а я – дурак, я не учился двадцать семь лет в...

– Кто тебе говорит, что ты...

– Ти-ха! – рявкнул добрый Максимыч. – Я лапоть...

– Я сам лапоть! – воскликнул профессор.

– Что вы, сдурели, что ли? – спросил Пилипенко. – В каком смысле – лапоть? В смысле происхождения, что ли? Тогда я тоже лапоть.

– Ти-ха! – вовсе разошелся Максимыч. – Вы – хромовые сапоги, а я – лапоть. Но я умею останавливать истерики. Я специалист по истерикам...

– Иди останови ее! – взмолился профессор. – Как ты это сделаешь? Она слышать ничего...

– Остановлю за две минуты.

– Как? – спросил и Пилипенко.

– Если бы ее кто-нибудь бы вразумил, – простонал профессор. – О-о, если бы кто-нибудь...

– Напиши мне некоторые культурные слова, – сказал Максимыч профессору, – я с их начну, чтобы она сразу дверь не закрыла. Как ее зовут? Надежда... как-то...

– Надежда Сергеевна.

– Семеныч, пиши на листе крупными буквами, – велел Максимыч Пилипенке. – А ты говори.

– Надежда Сергеевна, – стал диктовать профессор, а Пилипенко вырвал из блокнота лист и начал писать. – Надежда Сергеевна, – опять взмолился профессор, – заклинаю тебя небом...

– Ну, ерунда какая-то, – перестал писать Пилипенко. – При чем тут небо?

– Пиши, пиши, – сказал Максимыч. – Чем глупей, тем лучше.

– Хорошо, я буду проще, – согласился профессор. – А то действительно... демонизм какой-то. Надежда Сергеевна, ну неужели какая-то норковая шуба...

– Вшивая норковая шуба, – подсказал Максимыч.

Пилипенко только рукой на него махнул – чтоб помолчал.

– Неужели какая-то... норковая шуба, – продолжал профессор, – способна заменить человеку...

– Я предлагаю так, – перебил Пилипенко. – Надежда Сергеевна! Мы пока не можем всех одеть в норковые шубы, но неужели вы не видите других достижений? Неужели вы...

– Плевать она хотела на всех! – раздраженно сказал профессор. – Ей, ей нужна норковая шуба. Что ей все? Всем она не нужна... Мне она не нужна.

– И мне не нужна – у меня вон тулуп есть, – сказал Максимыч.

Пилипенко посмотрел на них.

– Вы что, намекаете, что мне, что ли, она нужна? Мне она тоже не нужна.

С грехом пополам составили они «бумагу», и Максимыч пошел с ней к Надежде Сергеевне. Пошел... и не вернулся.

...В суде Максимыч досказал эту историю так:

– Мы составили бумагу... Там были хорошие слова. И я пошел... Я честно прочитал ей через дверь, что там было написано...

– Она не открыла вам?

– Нет, я через дверь читал.

– Ну, так?

– Она вызвала милиционера... Я продолжаю говорить – думаю, она слушает, – а милиционер уже сзади стоит.

– Почему же она вызвала милиционера? Вы же говорите, там были хорошие слова.

– Я от себя стал добавлять, – с неохотой пояснил «сантехник» Максимыч. – Мне жалко этого старичка: она его загодя в гроб загонит со своими шубками. Ну, добавил малость от себя...

– Оскорблять стали?

– Ну... как? Ну, говорил, что... Наверно, оскорблял.

– Вот гражданка Сахарова пишет в своем заявлении, что вы пригрозили ей, что если вы

увидите ее в норковой шубе, то снимете с нее эту шубу, а ей взамен отдадите свой тулуп. Вы говорили так?

– Да куда мне ее? – попытался было уйти от ответа Максимыч. – Зачем?

– Но вы говорили так или нет?

– Говорил.

– Это же угроза.

– Ну... как?.. Угроза.

Максимыч получил десять суток.

Copyright (c) 2001 Электронная библиотека Алексея Снежинского